

Надежда Владимировна Третьякова родилась в Воронеже. Окончила фармацевтический факультет Воронежского государственного университета. Участник многих литературных фестивалей и совещаний молодых писателей России. Публиковалась в журналах «Подъём», «Сибирские огни», «Литературной газете», электронном журнале «Literra», региональных альманахах. Автор сборников лирических стихотворений «Птицей синевой» и «Сначала». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже.

Надежда Третьякова

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ

**«ВО МНЕ ЛИСТВА ШУМИТ,
НЕ УМОЛКАЕТ...»**

В поэзии очень важную роль играет интонация автора, ясное представление о лирическом сюжете, поступки и творческая воля стихотворца, которому подчиняется движение строк и сама история, положенная им на бумагу. Огромное значение имеет финал произведения, где поэт подводит итог поведенному и проводит очень характерную конечную черту, иной раз — почти голосовую, настолько она выразительна и портретна.

В стихотворениях воронежской поэтессы Надежды Третьяковой психологическая подготовка последних строк произведения замечательно соответствует их смысловому и эмоциональному содержанию. Художественная воля автора придает заключению лирического рассказа некую окончательность, роковую бесповоротность, и в том — лицо и походка говорящего, его отчетливая индивидуальность.

Смотреть в окно, прикинувшись невестой,
Фата и тюль — единое начало.
В душе темно, в груди бездушно-тесно,
Как мало света, мало, мало, мало...

И тень кольца белесою полоской
По теплой замше загорелой кожи —
Вспоминанием, осколком, отголоском,
Напоминанием о том, как мы похожи,
Напоминанием о том, что счастье было,
Казалось стойким, вечным непреложным.
И я была. Была, была, любила!
И счастье это делала возможным...

Теперь осталось тут, за занавеской,
Под легкий тюль забравшись с головою,
Смотреть в окно, прикинувшись невестой,
И тихо жить, прикинувшись вдовою.

В стихах Третьяковой таятся веки судьбы, по крайней мере, она понимает все происходящее с лирической героиней и вокруг нее именно так. Во многом это «женские стихи», которым присущи главные приметы подобного литературного определения. События здесь почти всегда связаны с темой любви — разделенной или неразделенной, обманутой или тихо увядшей, разрушенной или торжествующей...

Поэтесса умеет изобразить видимое и назвать потаенное, дать краткое образное обозначение мгновения или эпохи («Полные ладони тьмы / В нашем странном веке»). Нарисовать почти детально воспоминание о детстве — причем так, что ключевая характеристика этой картины окажется последним и наиболее весомым словом стихотворения («И голову дурманом кружат липы / И пахнут детством»).

Душа героини Надежды Третьяковой полна борений с самою собой и окружающим миром, она знает, что такое жертвенность, умеет взвешивать на скрытых весах бытийные дары и земную стойкость. Может умалять себя и одновременно радоваться светлому вдохновению, которое позволяет ей, преодолевая усталость, парить.

В нашем маленьком
Домике хрустальненьком
Четыре бабочки пляшут на тонких ножках,
Пыльцу роняют —
Два поэта и два прозаика —
На смех и музыку, на-ка, помножь их.

Девочки в серебряных легких крыльях
Прячут поэзию, шутят, шуршат рифмами,
Невесомые, мотыльковой пылью,
Ложатся строки на струны у самого грифа.

Колосьями зрелыми, пшеничными, к небу тянутся,
Говорят, говорят светлячки-мальчишки,
Слова на вес золота, звенят, ударяются
О стекло этой знойной баночки.

На огонь слетаются смотреть на свечи, обжечься хочешь?!
И осыпаются
Позолотой
наши летние дни и ночи...

Поэтическое зрение Третьяковой отличается остротой и способностью соединять детали с целым изображением. Такое чувство соразмерности есть не у всякого стихотворца. Оно позволяет выстраивать драматургию лирической вещи и готовить ее финал, где особенности дарования пишущего воплощаются наиболее полно — по смыслу, звуку и ритму.

Стоит подчеркнуть широту словаря и свободу ее речи, в которой живая разговорность часто сливается с письменной формулой, а тихий вздох соседствует с краткой категоричностью. Подобное речевое многообразие — наглядный признак того, что русская языковая стихия для поэтессы — родная среда, позволяющая воплотить в слове и душевные терзания, и печальный взгляд на современность, все более теряющую представление о нравственных идеалах.

Все сильные стороны поэзии Надежды Третьяковой, названные выше, властно обозначают себя в ее сегодняшних стихах. В ранних вещах подобные оттенки только намечались, а ныне они становятся узнаваемыми свойствами лирики этого автора.

О РОДОСЛОВНОЙ

Я лечу людей — ладонь подношу ко лбу,
Говорю: «Живи... но память не вороши».
У меня в роду — две ведьмы и царь-колдун,
Но ни одной заблудшей во тьме души.

У меня по деду — призраки летных войск,
А по бабке — турецкий кривой кинжал,
Мое сердце жгло, работало на износ,
Пока Грозный предков на кол сажал.

Я по деду — птица, парю себе в облаках,
А по бабке — княжна, султанша в густой чадре.
Моя песня — воля, тащу ее на руках,
Чтоб любовь принять на барском сыром дворе.

В моем прошлом — дед, картежник и гармонист,
Да османка-бабка, Восток говорит во мне.
А я лечу людей, ладонями — на виски,
И сомнений в прошлом ни капли нет.

* * *

*Третьякову Сергею Ивановичу
(03.10.1918 — 21.03.2000)*

Дед-Серегу вижу седым, как снег,
Ни усов, ни старческой бороды,
Он является сильным и молодым,
Только сеть морщинок у тонких век.

Перекос плеча и веночки на щеках,
Он стоит, руки за спину заложив.
И он легок, весел. Как будто жив.
Ни забот, ни дрожи в его руках.

Тихим детством веет из этих снов,
Его взгляд из прошлого, он парит
По-над садом, домом, где свет горит...
Я хочу спросить его, не хватает слов:

Где ты был так много холодных лет?!
И я плачу, я руки к нему тяну...
Но он шепчет, оставляя меня одну:
«Передай, Надюша, внукам моим привет».

К 75-летию Победы

Прикрученные к тебе,
Навинченные на грудь,
Блестят ордена во тьме
И помнят кого-нибудь —
Из тех, кто кричал: «Вперед!»,
Из тех, кто стремился жить
В стране не наоборот,
А прямо, по грудь во ржи,
Где счастье — по существу,
Но где на две трети — смерть.
Висят ордена в шкафу,
И некому их надеть.

* * *

Папе

Так пахнут липы! Детством безвозвратным...
Во мне листва шумит, не умолкает.
Все кажется, как день, простым, понятным,
И папа меня к солнцу поднимает.

Взметнутся косы, пыльные сандалии
Дугу прочертят в воздухе отважно.
У папы руки сильные, из стали!
Я с высоты смотрю, и мне не страшно!

Земля и небо золотом облиты.
И что-то странно ухаает под сердцем.
И голову дурманом кружат липы

И пахнут детством.

ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВРЕМЯ

*Дому Костыревой Марфы Николаевны
(РФ, Саратовская область, село Старый Хопер)*

Заколоченные окна, обреченные на вечность.
Отражается пустое в понадтреснутом стекле.
У порога длинный тополь, вдоль дороги ветхий ветер,
И забытые ступени помнят быстрые шаги.

Беспричинная тревога охватила дом под вечер,
И легли немые тени на замшелое крыльцо.
Остановленное время тихо смотрит исподлобья
Через прозрачную дымку на покинутых в былом:

На скрипучие ворота, на соломенные крыши,
На вишневые овраги, на внезапное вчера,
Где у выцветшей калитки
Одинокий старый мальчик
Лупит буйную крапиву,
Детство памятью укрыв.

* * *

Маме

1

Неоспоримы прошлого устои,
Стой и смотри, полураскрывши рот,
Как наша жизнь становится водою
И как вода незыблемо течет.

Из наших снов сплетаются картины,
Из наших слов построены мосты.
И мы по ним так непоколебимо
Проходим от черты и до черты.

А за чертой — невиданные дали,
Не охватить ни взором, ни рукой.
Мы эту даль когда-то простирали,
Смотря, как жизнь становится рекой,

И как река уносит наши тайны,
И как однажды, на исходе лет,
Мы по мосту придем сюда случайно...
Стой и смотри —
Воды тут больше нет.

2

Стой и смотри: тут неба острый край,
И поднимайся, и запоминай,
О чем изнанка древнего холста,
О чем скрипят небесные врата.

О том, что жизнь — не сказка, но скрижаль,
О ком тужил, кого изображал,
Кого избрал на свой последний час,
Кого просил молиться не о нас.

И кто молился сам не о тебе,
Держа ладонь раскрытой на кресте,
Покуда проповедь не кончится, молчал.
Замки твои под стать его ключам.

Сменялись песни, реки, города,
Смеялись дети тихо сквозь года,
А ты все шел по глади, по воде.
Искал себя. И не нашел нигде.

* * *

*Андрею А.
Михаилу К.
Дарье К.*

В нашем маленьком
Домике хрустальненьком
Четыре бабочки пляшут на тонких ножках,
Пыльцу роняют —
Два поэта и два прозаика —
На смех и музыку, на-ка, помножь их.

Девочки в легких серебряных крыльях
Прячут поэзию, шутят, шуршат рифмами,
Невесомые, мотыльковой пылью,
Ложатся строки на струны у самого грифа.

Колосьями зрелыми, пшеничными, к небу тянутся,
Говорят, говорят светлячки-мальчики,
Слова на вес золота, звенят, ударяются
О стекло этой знойной баночки.

На огонь слетаются смотреть на свечи, обжечься хочешь?!
И осыпаются
позолотой
наши летние дни и ночи...

Весна и лето на прощание машут, душа — наизнанку,
Истаивают в мареве небесном.
Зимой станет страшно в комнате, станет тесно,
Постучу по крышке, приоткрою банку,
И польются в ладони наши стихи и песни.